
МАНОХА И.П.,
доктор психологических наук,
профессор,
директор Восточно-Европейского
Института Психологии
(Украина – Франция)

Г.И. ЧЕЛПАНОВ И СИСТЕМА «НОВОЙ НАУКИ ПСИХОЛОГИИ»: АНТИ-ИНТРОЕКТЫ XXI ВЕКА

Однажды Хызр, учитель Моисея, обратился к человечеству с предостережением:

-- Наступит такой день, -- сказал он, -- когда вся вода в мире, кроме той, что будет специально собрана, исчезнет. Затем ей на смену появится другая вода, и от нее люди сойдут с ума.

Лишь один человек понял смысл этих слов. Он набрал большой запас воды, и спрятал его в надежном месте и стал поджидать, когда вода изменится. В предсказанный день иссякли все реки, высохли колодцы, и тот человек, удалившись в свое убежище, стал пить из своих запасов.

Но вот прошло какое-то время, и он увидел, что реки возобновили свое течение.

Он спустился к другим сынам человеческим и обнаружил, что они говорят и думают совсем не так, как прежде, и что произошло то, о чем их предостерегали, но они не помнили об этом.

Когда же он попытался заговорить с ними, то понял, что его принимают за сумасшедшего и выказывают к нему враждебность, либо сострадание, но никак не понимание.

Поначалу он совсем не притрагивался к новой воде и каждый день возвращался к своим запасам. Однако в конце концов он решил пить новую воду, так как его поведение и мышление, выделявшее его среди остальных, сделали жизнь невыносимо одинокой.

Как только он выпил новой воды и стал таким, как все, он совсем забыл о своем запасе воды, а окружающие его люди стали смотреть на него как на сумасшедшего, который чудесным образом излечился от своего безумия

(Как Изменилась Вода (Идрис Шах. Сказки дервишей)).

© МАНОХА И.П., 2015

азмышления и вопросы Г.И. Челпанова о «новой науке психологии» и ее текущем состоянии, датированные концом XIX - началом XX века, к удивлению вдумчивого читателя, никак не потеряли своей актуальности до сегодняшнего дня. Действительно:

- имеет ли современная психология достаточную методологическую и структурную завершенность?
- закончился ли процесс становления ее как самостоятельной науки? И перешла ли она к процессу собственно развития?
- пребывает ли современная психология в сущностной зависимости от других областей научного знания – в частности от философии, биологии, медицины, а также – кибернетики и пр. ?
- имеет ли современная психология единую (или – доминирующую) идеологию, ставшую ее основанием и принятую всеми (либо – большинством) ее представителей?
- является ли современная психология гуманистической?

Но еще большим удивлением может обернуться анализ ответов на данные вопросы. Ответов-«первых реакций», не требующих «длительного рассуждения» и погружения в суть – как в психологическом тесте, ориентированном на «снятие» того содержания и опыта, которые «на поверхности», а значит – в актуальном

состоянии принятия.

Так на вопрос *«имеет ли современная психология достаточную методологическую и структурную завершенность?»* мы, скорее всего, ответили бы утвердительно, ведь за свою уже более, чем столетнюю, историю психология выстроила и продолжает развивать свою структуру – и как науки, и как сферы социальной практики. Ее же методологическая завершенность – воспринимается с одной стороны как данность, с другой – как постоянно осуществляющийся процесс поиска и совершенствования, который, тем не менее, является достаточным основанием отвечать утвердительно на поставленный вопрос.

Прежде чем пытаться экспертировать «правильность» ответа на данный вопрос и сравнивать отличия этих ответов с реальной действительностью нынешнего состояния науки, важно охарактеризовать характер самих ответов и факт «практической предопределенности положительного ответа» – почему он имеет место? Почему психолог, психологи, профессиональные объединения и школы дают заведомо «положительно-предполагаемые» ответы на вопросы, которые дискуссионны по природе своей, неоднозначны и многообразны в основаниях аргументации этих ответов и т.п.? Одна из причин – «интроспективность» представлений о науке, ее элементах и характеристиках, которая далеко не индиви-

дуальна, а – колективна, соціальна, общественна?

Как же следует понимать и истолковывать понятие «интроект» и «феномен интроектности» в контексте анализа социальных, групповых, общностных феноменов и представлений?

В классическом понимании, *интроекция* (от лат. *intro* – внутрь и лат. *jacio* – бросаю, кладу) – бессознательный психологический процесс, относимый к механизмам психологической защиты. Это есть процесс включения индивидом в свой внутренний мир воспринимаемых им от других людей взглядов, мотивов, установок и пр. (*интроектов*). Термин был предложен в 1909 году венгерским психоаналитиком Шандором Ференци, касался прежде всего вопросов и процессов индивидуальной психологии [4].

В прикладном значении и понимании, *интроект* – популярное понятие в среде психоаналитиков и гештальт-терапевтов, обозначающее неаутентичное желание: желание, не имеющее внутренних корней и «встроенное», «вставленное», «переданное» человеку кем-то посторонним. Т.о., *интроекция* понимается как включение индивидом в свой внутренний мир воспринимаемых им от других людей взглядов, мотивов, установок.

Часто в тематических публикациях можно встретить следующий пример, объясняющий сущность интроектности и интроектных влияний:

«Родители «внушили» мальчику, что ему нужно быть врачом, потому что это – семейная традиция. Мальчик «присвоил» интроект “я должен стать врачом” и начал его реализовывать. Результат – он мучается, но учится на врача. Выход – осознать интроект и решить, что с ним делать: т.е. – либо принять, либо отказаться. В первом случае желание “стать

врачом” наконец-то станет личным желанием мальчика. Во-втором – он перестанет учиться на врача и займётся тем, что ему нравится. Например, начнёт чинить машины».

Таким образом, в сложившемся словоупотреблении «интроект» – нечто негативное, мешающее человеку и являющееся чужеродным для него – как «заноza или камень за пазухой» [5, 6].

Принято считать, что в научной психологии понятие «интроект» практически не употребляется. Пришедшее из психоаналитической клинической практики понятие зачастую воспринимается как не-научная метафора, некий около-научный сленг или, того хуже, нежизненный симулякр. Однако, анализ мифологических текстов (или – сказок) уже при первичном знакомстве и анализе указывает именно на «интроектность» закладывания «жизненных программ» героев либо с подачи вымышленных или реальных существ, либо обстоятельств, в которых оказывается герой повествования.

По сути своей, механизм интроектности – *мифологичен*. Интроекции подвержен тот, у кого нет своей мотивации своего способа отношения к происходящему, своего видения будущего, а значит – и перспективы понимания того, как «очередной интроект» может сказаться на том самом будущем... Миф – а-мотивационен. Мифу не характерна и не свойственна мотивация. В мифе все – либо божественно (а высшее существо действует так или иначе, что ведомо только ему самому), либо – человечно (а человеку вообще ничего не ведомо, и движет им кто-то или что-то, вложившее в него «то» и «как» это следует делать). Т.о., в мифе человек – существо интроектное, стоит ли разгадывать кто, когда и как этот интроект «вложил»?...

Реальная жизнь – не миф, организована и устроена иначе, но интроектна не менее, чем он. Онтогенетически, культурно-исторически, личностно-индивидуально – в каждом из измерений жизни (индивидуальной и общественной) интроект «откликается» как механизм обуславливания активности субъекта. Он же – один из механизмов обуславливания «субъектной анонимности», позволяющей оправдать, спрятать, утаить и пр. – истинный мотив или – его отсутствие.

Одна из известных иллюстраций актуальности интроектности: «все человеческое в человеке – это интроекты. Все лучшее в человеке – это интроекты – традиции, ценности, «самые высокие человеческие желания, любовь к родине и желание позаботиться о близких – все это не имеет в человеке внутренних корней и вставлено человеку кем-то со стороны» [5]. При этом, «некоторые вещи были вставлены в человека некрасиво, неловко, не увязаны с остальной его мотивационной сферой, а то и находятся в прямом конфликте с другими его желаниями. В этом смысле, видимо, интроектами возможно называть желания человека, находящиеся в конфликте с другими, базовыми для него желаниями» [6]. Здесь стоит добавить, что конфликтность эту человек зачастую не осознает, либо – за нею прячется, либо – ею оправдывается.

В гештальт-практике, *интроекция* – это один из механизмов прерывания контакта с собой и окружающим миром. Буквально, интроекция означает – «*вбирание во внутрь*». А *интроект* – информация, которая была «проглочена», не пройдя ассимиляцию (пережевывания и переваривания с усвоением). В гештальт-практике работа с интроектами и интроекцией сродни трансформации ограничива-

ющих стереотипов и установок, мешающих жить [5, 6]. Можно добавить – мешающих быть собой, быть «Я».

Когда чьи-то мнения и оценки, позиции и взгляды принимаются без какого-либо оценивания, без рефлексирования по сути, без формирования собственного отношения к происходящему или к тому, что может произойти, и создаются условия для интроектности, своего рода «мембранной открытости» психологического мира «Я» человека (с одной стороны) и активно стремящейся к агрессивному влиянию воздействию некой (чьей-то) сущности или содержания.

Часто интроекты еще сравнивают со стереотипами мышления – т.е. определяют буквально как «мышление под копирку», без обдумывания и анализа. Однако, не только мышление при этом приобретает признаки стереотипности, значительно более сложные познавательные процессы – либо редуцируются к неким упрощенным формам, либо не выполняют необходимых функций сущностного ориентирования для человека в бытии.

Осознаваемы ли интроекты? В чем отличие интроектов общественных от интроектов индивидуальных? Возможны ли интроекты в науке психологии, которая их же и изучает?

Интроективность психологической науки XXI века несомненна. Постулирование одних моментов и – усомнение других, критика одних – и возвеличивание других, все это характерно для психологии сегодняшнего дня, как и для любого этапа ее истории. Тем самым, тезис Г.И. Челпанова начала века о методологической и структурной завершенности процесса становления психологии – актуален и по-прежнему дискуссионен, как и следующие вопросы Челпанова о психологии – новой науке начала XX века:

- закончился ли процесс становления ее как самостоятельной науки? И перешла ли она к процессу собственно развития?

По мнению Челпанова, озвученному о «новой науке психологии» в начале XX века, «наблюдая душевную жизнь свою собственную и других людей, мы замечаем огромное многообразие душевных явлений, их постоянную смену, текучесть и сложность. Чтобы иметь возможность сделать их предметом научного наблюдения, необходимо распределить все душевные явления на группы или классы более или менее однородных явлений. Такое распределение душевных явлений на классы, мы можем назвать классификацией душевных явлений. Такая классификация имеет огромное значение, между прочим, и для объяснения всех сложных душевных явлений...» [2].

Сегодня, с позиции психологии XXI века, вряд ли мы могли бы утверждать, что универсальные (и – достаточные во всех смыслах) классификации «душевных» или собственно психологических явлений уже созданы, и в «атласе душевной жизни человека» не осталось ни единого «белого пятнышка», все маршруты познания уже проложены, а инструменты постижения и преобразования (гармонизации, коррекции и пр.) – апробированы и «разложены на полочках психологической мастерской»: заходи, бери нужный инструмент и излечивай, гармонизуй.

Челпанов писал: «Вопрос о классификации душевных явлений получает для современной психологии принципиальную важность. В наше время, когда особенно развиваются стремления найти новые основы психологии, в последнее время настойчиво высказывалось мнение, что прежний метод изучения психологи-

ческих явлений должен быть оставлен и должны быть введены новые методы, которые заключаются в том, что изучение душевной жизни начинается из движений человека, именно из изучения инстинктивных движений и внешних выражений душевных переживаний. В этом заключается сущность так называемой психологии поведения. Согласно этой психологии, существенной стороной душевной жизни человека является движение, как результат его влечений, стремлений – вообще волевой деятельности в широком смысле слова. Но является ли «психология поведения» чем-либо новым, отменяющим прежнюю классификацию душевных явлений? Этого признать никак нельзя. И прежняя психология придавала исключительную важность изучению движений человека. Попытку обосновать на «движениях» всю душевную жизнь мы в очень определенной форме находим уже в «Психологии» Г. Спенсера вышедшей в 1855 году» [2]. Так – любая новая школа психологии создает новые классификации, выстраивает и применяет новые принципы изучения душевных явлений, следующая – их критикует и опровергает, создавая и внедряя свои собственные. Т.о. – это непрерывный процесс, конечная точка в котором – невозможна...

Следующий Челпановский вопрос:

- пребывает ли современная психология в сущностной зависимости от других областей научного знания – в частности от философии, биологии, медицины, а также – кибернетики и пр. ?

Интроектный ответ здесь – «не пребывает» или «пребывает в относительных связях» – на уровне обще-научных, но не сущностных, вне-зависимостных.

Челпанов в начале XX века, харак-

теризуя взаимосвязи психологии и философии, утверждал «с приятным сознанием, что, будучи сторонником того же философского направления (что и Е.Трубецкой), я являюсь защитником законности философских построений и важности этих последних для развития самой науки (*психологии*)». Он также утверждал, что «правильное» разрешение вопроса о взаимосвязи философии и психологии имеет существенное значение для судьбы самой психологии: «для этой цели я рассмотрю вопрос, правильное разрешение которого имеет существенное значение для судьбы психологии: я разумею вопрос об отношении психологии к философии, и именно вопрос о том, находится ли психология в какой-либо зависимости от философии или нет» [1].

В начале XXI века ответ на данный вопрос не прозвучит однозначно, будучи задан представителям разных научных школ, направлений или даже – выпускникам разных академических школ подготовки психологов. Т.о., динамика процессов развития внутри самой психологии и в системе ее взаимодействия с различными науками в системе научного знания имеет место, продолжается ее развитие, изменения и обретение нового качества знания о душе.

Следующий вопрос:

- *имеет ли современная психология единую (или – доминирующую) идеологию, ставшую ее основанием и принятую всеми (либо – большинством) ее представителей?*

«Идеологический» познавательный кризис - один из ведущих признаков XX века. Это принципиально новый тип кризисов, который становится возможным лишь при определенных условиях, которые сложились именно в XX веке, хотя признаки его появи-

лись раньше. Связан этот тип с явлением идеологизации, что, по сути, является противопоставлением одной идеи (религиозной, философской, политической т.п.) как лучшей и самой влиятельной - всем остальным, и как следствие - вознесение этой идеи на пьедестал как ведущей общественной идеи.

Явление идеологизации возникает еще на заре человеческой культуры и цивилизации. «Ключевая точка, с которой начинается время истории, - это точка, в которой одна мифология оказывается презентованной другой. Когда один миф становится способным видеть другой миф. Когда становится очевидным факт неоднородности мифологий и возникает необходимость выработать к этому какое-то отношение. Здесь мифологическое превращается в религиозно-идеологическое и становится основой существования государств. Это именно та точка, в которой человек выходит из состояния равновесия и тождества со своим мифом и переживает искушение чужим» (А. Лобок). К этому времени главной ценностью существования была ценность сохранения, а смысл жизни заключался в поддержке той мифологической традиции, которая транслировалась десятками поколений на протяжении многих тысячелетий. Мифы, в ином случае, никак не противостояли бы друг другу, не сталкивались бы, не противоречили друг другу, не существовали бы в параллельных реальностях.

Факт появления чужого (мифа, религии, общественной идеи) все кардинально меняет. Сначала существование чужого вызывает жесткое отторжение, потом осознание наличия чужого начинает вызывать страх, чужое в целом воспринимается как угроза (А. Лобок). Постепенно появ-

ляется потребность в особых инструментах, которые позволили бы своему мифу получить несомненную победу над чужим мифом. Именно тогда «возникают религии, в которых мифы манифестируют себя в храмах и статуях богов. И тогда возникают государства, каждое из которых воплощает ту или иную религиозную идеологию и благодаря которым религии вооружаются для борьбы против чужих религий. Миф получает религиозно-государственную оправу. Он превращается в воинственный миф. История начинается там и тогда, где и когда миф становится идеологией» (А. Лобок).

В XX веке идеологией стали почти все формы познавательно-преобразующего отношения человека к миру: мифологическая, религиозная, научная, техническая, художественная. Наблюдается воинственность направлений теоретизирования в науке, религиозно-мистических представлений, направлений художественной жизни - элитарной и бытовой. Апогеем идеологизации выступает, безусловно, политическая жизнь, которая никогда ранее в истории человечества не было причиной таких кардинальных и разрушительных процессов геополитического масштаба.

XX век, кроме того, демонстрирует фантастический синтез отдельных политических доктрин с философскими теориями или религиозными постулатами, создавая тем самым особый вид идеологии - синтетическую идеологию, содержательное и динамическое воздействие которой на те или иные общественные процессы значительно возрастает.

И еще один Челпановский вопрос, ответ на который вне сомнения будет построен по интроектному принципу:

- *является ли современная психология гуманистической?*

Первичный актуальный ответ - да, конечно. Ведь существуют даже целые направления в психологии - гуманистически ориентированные, имеющие такое название, постулирующие соответствующие принципы.

«Но являются ли они таковыми по сути?» - этот вопрос занимал и волновал известного украинского психолога и историка психологии - В.А. Роменца. Можно ли считать гуманистической науку, которая изобличает болевые и разрушительные элементы человеческой жизни, акцентируя внимание на том, что «есть плохого» и не демонстрируя деонтологически «как должно быть»...

Дискуссии и развитие не предполагают интроекций. Они требуют объективации - пусть не очень приятной, но единственно необходимой для движения вперед...

Как *идентифицировать* интроект и изучать его? Каковы способы постижения и изучения возможны и применимы в соответствии с природой интроекта - индивидуальной или общественной? Какой эксперимент, его тип - здесь уместны и результативны?

В этой связи не менее свежи и актуальны рассуждения Челпанова о научном методе психологической науки - эксперименте: «В недавнее время эксперимент получил неожиданное применение в *исследовании* высших умственных процессов (суждения, умозаключения, мышления понятий, вообще процесса мышления), говорю «неожиданное», потому что раньше неоднократно высказывалось убеждение, что эксперимент может применяться только к элементарным психическим процессам. Экспериментальные приемы исследования высших умственных процессов вызвали возражение со стороны такого выдающегося психо-

лога, как Вундт. Поэтому чрезвычайно важно определить, какое место в психологии занимают эти исследования, являются ли они, как эксперименты, заслуживающими внимания», - так писал об эксперименте Г. Челпанов [3]. «В чем заключаются исследования высших умственных процессов? Поясню при помощи примера. Я желаю, например, изучить природу процесса, называемого *суждением*. Если бы я захотел исследовать этот процесс по прежнему способу, то я поступил бы так. Я представил бы какой-нибудь процесс суждения, как я его переживаю в своем сознании, затем другой, третий процессы, и на основании этого сделал бы вывод относительно природы суждения вообще. В настоящее время психологи находят, что для разрешения этого вопроса следует в лаборатории производить систематически опрос над другими лицами. Испытуемому субъекту предлагают вопрос, на который он дает ответ в форме суждения, высказанного или невысказанного, в форме «да» или «нет». Другими словами, субъект должен пережить то психическое состояние, которое называется сознанием суждения. После того, как он составил суждение, ему предлагают

описать, что было в его сознании, когда он составлял суждение или переживал то психическое состояние, которое называется созиданием суждения. Если я произведу такого рода эксперимент над одним, другим, третьим, четвертым и т. д. субъектами, у меня накопится материал, на основании которого я могу сделать выводы относительно природы суждения. Такого рода опыты впервые начали производиться в Вюрцбургской лаборатории профессора Кюльпе» - констатировал Челпанов[3].

Удивительно, но и сегодня Челпановская трактовка логики психологического исследования высших психических процессов и явлений не кажется устаревшей.

Психология XXI века должна быть анти-интроектной, не усыпленной пред-заданными утверждениями, а трезво и зрело смотрящей в перспективу своего развития. Ее текущий период – революционен и многообещающ возможностями новых методологий и познавательно-преобразующих техник. Интроектами ее уже не убаюкать. Тем не менее, перспективное исследование ее настоящих возможностей – впереди.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Челпанов Г.И. Введение в философию. – 7-е изд. – Рига, 1923. – Первоначало бытия. Об отношении психологии к философии. – Рига, 1923.
2. Челпанов Г.И. Очерки психологии. М.-Л.: Моск. акад. изд. об-во., 1926.
3. Челпанов Г.И. Экспериментальный метод в психологии / Новые идеи в философии. Сб. 9. Спб.: Образование, 1913.
4. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
5. <http://www.psychologos.ru/articles/view/introekt>
6. <http://psymanblog.ru/2011/04/geshtalt-praktika-ya-dolzhen-introekt-ne-perevaren-naya-pishha-detstva/>